

Процессуальное право Международного Суда ООН: вступление в дело (часть 2)

Сергей Пунжин*

Вступление в дело по статье 62 Статута возможно, только если у третьего государства имеется интерес правового характера, который может быть затронут будущим решением Суда по данному делу. К настоящему времени в практике Суда сложилась группа критериев, которые позволяют определить, что представляет собой правовой интерес для целей вступления в дело по статье 62 Статута. Суд склонен согласиться с наличием такого интереса, когда интерес материален, то есть существует вероятность, что либо решение прямо скажется на объеме или сфере применения прав третьего государства, либо Суд при вынесении решения не может не иметь дела с юридическими проявлениями, имеющими отношение к этому государству. В делах, касающихся морского разграничения, Суд, как правило, не находит оснований для признания правового интереса у намеревающегося вступить в дело государства. Наличие основания юрисдикции не является обязательным, если государство вступает в дело не как сторона.

→ *Международный Суд; Статут Суда; Регламент Суда; процессуальное право; вступление в дело; интерес правового характера; основание юрисдикции*

3. Вступление в дело по статье 62 Статута

3.4. Интерес правового характера¹

3.4.1. Общие положения

Как отметил Суд, *raison d'être* вступления в дело — позволить третьему государству, правовой интерес которого может быть затронут возможным решением Суда, участвовать в основном деле для того, чтобы этот интерес защитить². Как следствие, в отсутствие такого интереса не может идти речи о вступлении в дело по статье 62 Статута. Наличие

правового интереса представляет собой фундаментальное условие, которое предусмотрено непосредственно³ статьей 62 Статута Международного Суда и отражено в пункте 2(а) статьи 81 его Регламента. Именно оно в большинстве случаев определяет успех или неудачу просьбы о вступлении в дело.

Ни в тексте самой статьи, ни в её подготовительных материалах, включая *travaux préparatoires* статьи 62 Статута Постоянной палаты международного правосудия, которая в этой части дословно соответствует статье 62 Статута Международного Суда, не расшифровывается, что именно понимается под ин-

* Пунжин Сергей Михайлович — кандидат юридических наук, сотрудник Правового департамента Секретариата Международного Суда ООН (e-mail: s.punzhin@icj-cij.org). Взгляды и мнения, изложенные в статье, представляют исключительно точку зрения автора и необязательно отражают позицию учреждения, сотрудником которого он является.

¹ Далее также в качестве синонима будет использоваться термин «правовой интерес». В зависимости от контекста оба термина подразумевают интерес, который «может быть затронут решением».

² Cour internationale de Justice. *Différend territorial et maritime (Nicaragua c. Colombie)*. Requête du Honduras à fin d'intervention. Arrêt du 4 mai 2011 // C.I.J. Recueil 2011. P. 436. § 46.

³ Из всех условий вступления в дело только оно прямо указано в Статуте Суда.

тересом правового характера, оправдывающим вступление в дело третьего государства. Во время дискуссии в Комитете юристов по подготовке Статута Постоянной палаты в 1920 году было единственно указано, что положение о вступлении в дело третьего государства, при условии наличия у него правового интереса, было включено в Статут с целью наиболее полного охвата ситуаций, когда решение Палаты может повлиять на интересы государств, не являющихся сторонами в споре, находящемся на её рассмотрении⁴.

Таким образом, ответ на то, что представляет собой интерес правового характера, можно найти только в практике самого Суда. В процессе установления содержания интересующего нас понятия существенную помощь может оказать и доктрина, которая эту практику анализировала.

3.4.2. Судебная практика

Критерии установления интереса правового характера вырабатывались в ходе судебной практики постепенно. Первые два прецедента просьб о вступлении в дело стоят особняком, поскольку Суд выносил решения по ним в тот период, когда ещё не получил однозначного понимания вопрос о статусе государства, вступившего в дело. Отсутствие ясности в этом вопросе не могло не сказаться на подходе Суда к трактовке понятия «интерес правового характера» в обстоятельствах конкретных дел. Равным образом и государства, намеревавшиеся вступить в дело, явно испытывали трудности в представлении правового интереса, который суд счёл бы удовлетворительным для целей применения статьи 62. Действительно, что приемлемо в качестве интереса для вступления в дело в качестве стороны, может оказаться ненадлежащим, если государство не претендует на такой статус, и наоборот. В результате ни в одном из этих решений Суд так и не дал ответа, имеется ли у третьего государства правовой интерес, отказывая в просьбах, исходя из характера и цели вступления в дело.

В деле *Континентальный шельф (Тунис/Ливия)*, в которое намеревалась вступить Мальта, Суд, казалось бы, пошёл по пути

установления наличия правового интереса. По мнению Суда, у Мальты и впрямь был «определённый интерес», который заключался в том, каким образом в контексте разграничения континентального шельфа в Центральном Средиземноморье Суд оценит конкретные физические факторы и какие приведёт правовые соображения. Суд обратил внимание, однако, на то, что, обосновывая интерес, который может быть затронут решением по спору между Ливией и Тунисом (стороны спора просили Суд указать, какие принципы и нормы международного права и каким образом должны быть применены к морскому разграничению между ними), Мальта стремилась получить разрешение представить свои взгляды на применимое право с точки зрения его действия не только в отношениях между Тунисом и Ливией, но и между собой и этими двумя государствами. В то же время Мальта в своей просьбе сделала оговорку о том, что она не желает, чтобы её вступление в дело каким-либо образом затрагивало собственные требования Мальты по отношению к Тунису и Ливии. Отсюда Суд сделал вывод, что «сам характер вступления в дело» показывает, что правовой интерес, на который ссылается Мальта, не может рассматриваться как тот, который «может быть затронут решением по делу»⁵.

Понять аргументацию Суда можно, только исходя из того, что способность правового интереса «быть затронутым» определяется через цель вступления в дело. Иными словами, если третье государство хочет представить свою позицию во взаимоотношениях с первоначальными сторонами спора и добиться её отражения в решении, но таким образом, чтобы его собственные требования к этим сторонам при этом не рассматривались, то при таких намерениях интерес третьего государства затронут быть не может, поскольку оно исключает свои правовые интересы из сферы действия решения. То, что отказ в просьбе Мальты был основан на неприемлемости цели вступления в дело, фактически подтвердил сам Суд в более позднем решении по ходатайству Филиппин о вступлении в дело между Индонезией и Малайзией, в

⁴ См.: Comité Consultatif de Juristes: Procès-Verbaux des séances du Comité. La Haye: Van Langenhuysen Frères, 1920. P.587–594.

⁵ International Court of Justice. *Continental Shelf (Tunisia/Libyan Arab Jamahiriya)*. Application by Malta for Permission to Intervene. Judgment of 14 April 1981 // I.C.J. Reports 1981. P.19. §33.

котором было подчёркнуто, что просьба Мальты о вступлении в дело «не была удовлетворена, поскольку Суд полагал, что в действительности его просили предрешисть существо требований Мальты против Туниса в другом споре, который Мальта Суду не представила»⁶, то есть речь шла не об интересе, а о намерениях, цели вступления в дело.

Вряд ли использованный Судом в отношении просьбы Мальты способ определения существования правового интереса можно считать удовлетворительным: по правилам логики, нельзя устанавливать степень выполнения одного условия вступления в дело, выясняя, насколько соблюдено другое. Тем не менее в деле *Континентальный шельф (Ливия/Мальта)*, в которое хотела вступить Италия, Суд фактически избрал такой же подход, как и в деле *Тунис/Ливия*, определив интерес через цель вступления в дело. В частности, Суд заявил, что для установления обоснованности просьбы Италии он должен рассмотреть интерес правового характера, который может быть затронут, «[о]днако он должен сделать это, оценивая цель заявления и то, каким образом эта цель соответствует тому, что предусмотрено в Статуте», то есть является ли целью вступления в дело защита правового интереса⁷. В результате Суд вообще не рассматривал по существу наличие или отсутствие правового интереса, а отказал во вступлении исключительно на основании анализа цели вступления в дело, а не правового интереса как такового⁸.

В целом, решения по обращениям Мальты и Италии нелегко согласовать между собой, что показывает шаткость концептуальных подходов в отношении некоторых принципиальных вопросов вступления в дело, включая критерии установления интереса правового характера.

Отсчёт практики, которая должна быть принята во внимание применительно к определению интереса при вступлении в дело, следует вести с 1990 года, когда было вынесено решение по просьбе Никарагуа в рамках дела *Спор о сухопутной, островной и морской границе (Сальвадор/Гондурас)*. В этом решении Суд впервые признал наличие у третьего государства интереса правового характера, который был достаточен для удовлетворения просьбы о вступлении в дело на основании статьи 62 Статута. По мнению Суда, поскольку он должен был дать ответ на поставленный перед ним сторонами спора вопрос о статусе вод залива Фонсека, а именно являются ли эти воды кондоминиумом прибрежных государств — Сальвадора, Гондураса и Никарагуа (как утверждал Сальвадор) или же представляют для них просто «общий интерес» (на чём настаивал Гондурас), постольку в любом случае у Никарагуа, как у одного из прибрежных государств, имеется «интерес правового характера, который может быть затронут решением по этому вопросу»⁹. Суд впоследствии признал, что залив Фонсека находится под совместным суверенитетом трёх государств и что Никарагуа обладает соответствующими правами в отношении залива и вод за его пределами¹⁰.

В деле *Сухопутная и морская граница между Камеруном и Нигерией* стороны не возражали против вступления Экваториальной Гвинеи в дело, поэтому решение Суда было принято в форме постановления, в котором Суд не обосновывал свои выводы развёрнутым обоснованием. В частности, Суд не привёл никаких аргументов, каким образом разграничение морских пространств между Камеруном и Нигерией в Гвинейском заливе может повлиять на интерес Экваториальной Гвинеи (существование которого было дейст-

⁶ International Court of Justice. *Sovereignty over Pulau Ligitan and Pulau Sipadan (Indonesia/Malaysia)*. Application by the Philippines for Permission to Intervene. Judgment of 23 October 2001 // I.C.J. Reports 2001. P.597. § 53.

⁷ International Court of Justice. *Continental Shelf (Libyan Arab Jamahiriya/Malta)*. Application by Italy for Permission to Intervene. Judgment of 21 March 1984 // I.C.J. Reports 1984. P. 18. § 28.

⁸ Ibid. P. 19—25. § 29—39. Суд пришёл к выводу, что, хотя формально Италия просила защитить её права, в действительности же просьба была направлена на признание Судом этих прав, что не соответствует самой природе вступления в дело. Кроме того, в результате удовлетворения просьбы о вступлении в дело, как она была представлена Италией, Суду были бы представлены новые споры между Италией и Ливией и Мальтой, которые изменили бы характер первоначального дела. См. также: *Macdonald R. St.J.; Hughes V. Intervention before the International Court of Justice // African Journal of International and Comparative Law. Vol. 5 (1993). No. 1. P.30.*

⁹ International Court of Justice. *Land, Island and Maritime Frontier Dispute (El Salvador/Honduras)*. Application by Nicaragua for Permission to Intervene. Judgment of 13 September 1990 // I.C.J. Reports 1990. P.121—122. § 72.

¹⁰ International Court of Justice. *Land, Island and Maritime Frontier Dispute (El Salvador/Honduras: Nicaragua intervening)*. Judgment of 11 September 1992 // I.C.J. Reports 1992. P.616—617. § 432.

вительно весьма вероятно, исходя из географической конфигурации Гвинейского залива и расположения прибрежных государств, одним из которых является Экваториальная Гвинея). Он ограничился простой констатацией, что Экваториальная Гвинея «установила в достаточной мере» существование правового интереса, который может быть затронут решением Суда в отношении морской границы между сторонами спора¹¹.

В деле *Суверенитет над Пулау Лигитан и Пулау Сипадан (Индонезия/Малайзия)*, в которое намеревались вступить Филиппины, Суд рассматривал вопрос, может ли интерес правового характера быть затронут мотивировочной, а не постановляющей частью решения. Ответив на него положительно в общем плане, Суд, однако, в обстоятельствах конкретного дела пришёл к выводу, что Филиппины не представили достаточных аргументов в пользу наличия у них правового интереса для целей применения статьи 62 Статута. По утверждению Филиппин, их интерес был связан с претензиями на суверенитет над северным Борнео. Эти претензии могли быть затронуты не самим решением по спорным островам Сипадан и Лигитан, а толкованием некоторых договоров и правовых актов, относящихся к региону и упомянутых Индонезией и Малайзией в своих состязательных бумагах¹². Суд отметил, что некоторые инструменты, на которые ссылались Филиппины, действительно могли свидетельствовать об имеющемся у них интересе к правовым аргументам, которые могут быть выдвинуты в решении по спору между Индонезией и Малайзией. Тем не менее, по мнению Суда, Филиппины не выполнили бремя доказывания и не продемонстрировали, что правовой интерес Филиппин может быть затронут в будущем решении изложением мотивов или толкованием либо потому, что эти инструменты не составляли часть аргументации Индонезии и Малайзии, либо по-

тому, что основанные на них аргументы не касались вопросов, связанных с претензиями Филиппин на северное Борнео¹³.

В феврале 2010 года Коста-Рика обратилась в Суд с заявлением о разрешении вступить в дело по спору между Никарагуа и Колумбией о морской границе в западной части Карибского моря. Коста-Рика настаивала на том, что морские пространства, оспариваемые Никарагуа и Колумбией, частично совпадают с находящимся в пределах 200 морских миль от побережья Коста-Рики районом, в отношении которого она может обладать суверенными правами. Коста-Рика считала, что, каким бы образом Суд ни проводил границу между Никарагуа и Колумбией, «потенциальные интересы Коста-Рики» могут быть затронуты, если она не сможет представить Суду соответствующую информацию, вступив в дело¹⁴. В решении по просьбе Коста-Рики Суд заявил, что в делах, касающихся морского разграничения, интересы третьих государств могут быть защищены без указания географических пределов района, где эти интересы могут «вступать в игру»¹⁵. Интерес Коста-Рики был бы затронут, если бы Никарагуа и Колумбия просили Суд продлить границу «в южном направлении за пределы определённой широты». При делимитации же между Никарагуа и Колумбией у Суда не будет необходимости устанавливать южную оконечность границы, поскольку «проводя линию, разграничивающую морские пространства между сторонами основного процесса, [Суд] остановит её до того, как она достигнет района, в котором могут быть затронуты интересы правового характера третьих государств». На этом основании Суд заключил, что Коста-Рика не доказала, что у неё есть правовой интерес, который может быть затронут решением по основному спору¹⁶.

Желание вступить в это же дело (*Никарагуа против Колумбии*) также выразил Гондурас, который, обосновывая свою просьбу

¹¹ International Court of Justice. *Land and Maritime Boundary between Cameroon and Nigeria (Cameroon v. Nigeria)*. Application by Equatorial Guinea for Permission to Intervene. Order of 21 October 1999 // I.C.J. Reports 1999. P. 1034. § 13.

¹² International Court of Justice. *Sovereignty over Pulau Ligitan and Pulau Sipadan (Indonesia/Malaysia)*. Application by the Philippines for Permission to Intervene. Judgment of 23 October 2001 // I.C.J. Reports 2001. P. 595. § 44–45.

¹³ Ibid. P. 599–603. § 64–82.

¹⁴ International Court of Justice. *Territorial and Maritime Dispute (Nicaragua v. Colombia)*. Applications by Costa Rica for Permission to Intervene. Judgment of 4 May 2011 // I.C.J. Reports 2011. P. 364–365. § 54–56; P. 366. Sketch-map; P. 368. § 68–69; P. 369. § 73.

¹⁵ Ibid. P. 372. § 86.

¹⁶ Ibid. P. 372–373. § 89–90.

бу, ссылаясь на то, что его интерес распространяется на район, расположенный по обеим сторонам линии границы между ним и Никарагуа, установленной решением Международного Суда от 8 октября 2007 года, и ограниченный с юга линией, установленной договором 1986 года между Гондурасом и Колумбией. По мнению Гондураса, он обладает в этом районе правами в отношении нефтяных концессий, морского патрулирования и рыболовства, и эти права не были затронуты линией разграничения морских пространств между Никарагуа и Гондурасом. Суд в своём решении отметил, что интерес правового характера Гондураса, по существу, касается двух вопросов: 1) была ли морская граница между Никарагуа и Гондурасом установлена решением 2007 года в полном объёме и на всём её протяжении или нет и 2) какие последствия решение Суда по спору между Никарагуа и Колумбией может иметь для прав Гондураса по договору 1986 года. Суд далее обратил внимание на то, что именно ввиду потенциальных прав третьих государств он не зафиксировал в решении 2007 года конечную точку границы между Никарагуа и Гондурасом, которая должна следовать биссектрисе угла, образованного их побережьями. Но эта граница вообще не затрагивает прав Колумбии, поскольку она проходит к северу от линии договора 1986 года, определяющей их пространственные пределы. Таким образом, в этой части (и это как раз район, в котором Гондурас якобы имеет интерес) граница между Никарагуа и Гондурасом была установлена в полном объёме: «в отсутствие требований третьих государств граница бесспорно следует линии, определённой Судом»¹⁷. Суд также добавил, что в районе к северу от биссектрисы права Гондураса не оспариваются ни Никарагуа, ни Колумбией, поэтому в этой части «района интереса» права Гондураса никак не могут быть затронуты решением по спору между Никарагуа и Колумбией. Что касается части «района интереса» к югу от биссектрисы, то решение 2007 года, явля-

ющееся для Гондураса *res judicata*, относит эту часть к Никарагуа. Следовательно, в этой части Гондурас не может иметь ни прав, ни правового интереса¹⁸.

В отношении договора 1986 года Суд подчеркнул, что при проведении границы между Никарагуа и Колумбией, в силу принципа *res inter alios acta*, ему нет необходимости основываться на этом договоре, поскольку он определяет на двусторонней основе права и обязательства Гондураса и Колумбии и никоим образом не может иметь последствий для прав и обязательств третьих государств (в данном случае для Никарагуа) и не должен приниматься во внимание для целей разграничения между Никарагуа и Колумбией¹⁹.

В конечном итоге Суд сделал вывод, что Гондурас не смог его убедить в том, что обладает интересом правового характера, который может быть затронут решением по спору между Никарагуа и Колумбией²⁰.

К настоящему времени последний прецедент в практике Суда по применению статьи 62 Статута — это заявление Греции о разрешении вступить в дело *Юрисдикционные иммунитеты государства (Германия против Италии)*, поданное 13 января 2011 года. Рассматривая просьбу Греции, Суд отметил, что Германия, государство-заявитель в основном процессе, требовала признать, что Италия нарушила её юрисдикционный иммунитет, объявив подлежащими исполнению на своей территории некоторые решения греческих судов, связанные с нарушениями нацистской Германией международного гуманитарного права на территории Греции во время Второй мировой войны. Для того чтобы дать ответ на это требование Германии, у Суда могла возникнуть потребность оценить решения судов Греции в свете принципа иммунитета государства. Этого было достаточно, по мнению Международного Суда, чтобы сделать вывод, что Греция обладает правовым интересом, который его решение «может затронуть»²¹. Таким образом, правовой интерес Греции существовал постольку, по-

¹⁷ Cour internationale de Justice. *Différend territorial et maritime (Nicaragua c. Colombie)*. Requête du Honduras à fin d'intervention. Arrêt du 4 mai 2011 // C.I.J. Recueil 2011. P.439–442. § 57–64.

¹⁸ Ibid. P.443. § 68–70.

¹⁹ Ibid. P.444. § 72–73.

²⁰ Ibid. P.444. § 75.

²¹ International Court of Justice. *Jurisdictional Immunities of the State (Germany v. Italy)*. Application by the Hellenic Republic for Permission to Intervene. Order of 4 July 2011 // I.C.J. Reports 2011. P.501–502. § 25–26.

скольку была вероятность того, что решения её национальных судов могут стать предметом исследования в решении Международного Суда.

3.4.3. Критерии определения

Как общее правило, Суд предпочитает не фиксировать жёстко содержание и значение процессуально-правовых категорий Статута и Регламента, если только это не вызвано императивной необходимостью. Обратное могло бы неоправданно ограничить процессуальную свободу его действий как учреждения, разрешающего межгосударственные споры. В частности, как было отмечено в 1993 году, «Суд до настоящего времени отказывался дать общее определение концепции «интерес» или «интерес правового характера», признавая, что в разных контекстах она может иметь различные значения. Он всегда старался найти ответ путём анализа вопросов, которые он рассматривал в данный момент»²². Не было дано такого определения и в последующем. Тем не менее в процессе вынесения решения по конкретным просьбам о вступлении в дело, о которых речь шла выше, Суд обращал своё внимание на те или иные характеристики понятия «интерес правового характера» и давал им своё толкование. В результате к настоящему времени в практике Суда сложилась группа критериев, которые в их совокупности позволяют достаточно точно определить, что представляет собой правовой интерес для целей вступления в дело по статье 62 Статута²³.

Во-первых, система вступления в дело по статье 62 предполагает, что государство, об-

ращающееся с соответствующей просьбой, должно продемонстрировать, одновременное наличие двух элементов: 1) какой именно интерес имеется у данного государства²⁴ и 2) каким образом он может быть затронут решением по делу. Другими словами, существующий правовой интерес третьего государства должен быть таким интересом, который может быть затронут судебным решением²⁵.

Во-вторых, интерес должен иметь правовой характер «в том смысле, что этот интерес должен быть объектом реального и конкретного притязания этого государства, основанного на нормах права, в отличие от требований чисто политического, экономического или стратегического характера»²⁶. В доктрине можно встретить мнение, в соответствии с которым статья 62 не предполагает, что интерес должен быть «правовым» или «правомерным», достаточно того, чтобы он был «правового характера»²⁷. В этом отношении стоит заметить: если утверждение о том, что интерес необязательно должен быть «правомерным», совершенно справедливо (термины «правового характера» и «правомерный» отражают различные и непересекающиеся аспекты явления: первое даёт понятие о природе интереса, а второе характеризует его с точки зрения соответствия нормам права), то определения «правового характера» и «правовой» представляют собой синонимы и используются в практике Суда взаимозаменяемо.

В-третьих, интерес государства в отношении принципов и норм международного права, на которых будет основано решение, недостаточен для того, чтобы просьба была

²² *Rosenne Sh.* Intervention in the International Court of Justice. Dordrecht [etc.]: Martinus Nijhoff, 1993. P. 196–197.

²³ Большинство этих критериев были обобщены в постановлении Суда по заявлению Греции о разрешении вступить в дело *Jurisdictional Immunities of the State (Germany v. Italy)*. Application by the Hellenic Republic for Permission to Intervene. Order of 4 July 2011 // I.C.J. Reports 2011. P. 501. § 22, 24). В доктрине о критериях правового интереса см. *Kolb R.* The International Court of Justice. Oxford and Portland, Oregon: Hart Publishing, 2013. P. 706–715.

²⁴ В доктрине специально обращается внимание на то, что интерес при вступлении в дело должен быть именно интересом обращающегося с просьбой государства, а не каких-либо иных государств. См. *Torres Bernárdez S.* L'intervention dans la procédure de la Cour internationale de Justice // Recueil des cours. Académie de droit international. 1995. Tome 256. The Hague [etc.]: Martinus Nijhoff, 1997. P. 290.

²⁵ International Court of Justice. *Land, Island and Maritime Frontier Dispute (El Salvador/Honduras)*. Application by Nicaragua for Permission to Intervene. Judgment of 13 September 1990 // I.C.J. Reports 1990. P. 118, 127. § 61, 83; International Court of Justice. *Territorial and Maritime Dispute (Nicaragua v. Colombia)*. Application by Costa Rica for Permission to Intervene. Judgment of 4 May 2011 // I.C.J. Reports 2011. P. 358, 368. § 26, 67.

²⁶ International Court of Justice. *Territorial and Maritime Dispute (Nicaragua v. Colombia)*. Application by Costa Rica for Permission to Intervene. Judgment of 4 May 2011 // I.C.J. Reports 2011. P. 358. § 26; Cour internationale de Justice. *Différend territorial et maritime (Nicaragua c. Colombie)*. Requête du Honduras à fin d'intervention. Arrêt du 4 mai 2011 // C.I.J. Recueil 2011. P. 434. § 37.

²⁷ *Chinkin Ch.* Article 62 // The Statute of the International Court of Justice. A commentary. Second Edition. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 1546.

удовлетворена²⁸, то есть интерес должен относиться не к международному праву как таковому, а к правовым аспектам материальной ситуации.

В-четвёртых, государству достаточно показать, что интерес *может* быть затронут, а необязательно то, что он *будет* или *должен быть* затронут²⁹. Таким образом, для того чтобы правовой интерес мог быть основанием для вступления в дело, нет необходимости утверждать, что будущее решение неизбежно повлияет на него, достаточно показать вероятность такого исхода событий. Подобная гибкость в данном случае представляется действительно необходимым фактором. На стадии рассмотрения просьбы о вступлении в дело Суд ещё не исследовал существо аргументов сторон и в полной мере не может сделать предположение о содержании будущего решения. В связи с этим и порог принятия решения поставлен сравнительно низкий — вероятность, а не обязательность свершения события.

В-пятых, определяя наличие правового интереса, Суд исходит из того, насколько в обстоятельствах дела его решение может затрагивать правовые вопросы, которые в той или иной мере представляют интерес для намеревающегося вступить в дело государства. В этом контексте следует проводить различие между *правами* и *интересом*. Если права — это то, чем государство действительно обладает в настоящий момент, то правовой интерес в рассматриваемом контексте шире — он включает как существующее, так и потенциальное право (или обязательство), на которое решение Суда может повлиять, а также любое юридическое проявление, имеющее отношение к этому государству. В литературе подчёркивается, что правовой интерес не

ограничен только правами, он может касаться правового статуса, правовых ситуаций, претензий, возможностей или ожиданий³⁰.

По мнению некоторых комментаторов, всё же за редкими исключениями в судебной практике для обоснования вступления в дело требуется нечто большее, чем просто интерес, скорее требуется наличие определённых прав в отношении предмета спора³¹. Это суждение, как представляется, не в полной мере соответствует позиции самого Суда. В решениях по просьбам Коста-Рики и Гондураса, вынесенных в 2011 году, Международный Суд недвусмысленно подчеркнул в качестве общего утверждения, что если государство намеревается вступить в дело не как сторона, то оно не обязано доказывать, что одно из его *прав* может быть затронуто, достаточно показать, что *интерес* правового характера может быть затронут будущим решением³². Добавим также, что установленный Судом тест (существование интереса правового характера, а не обязательно права) соответствует нижнему порогу допустимости просьбы о вступлении в дело. Ничто не мешает государству использовать более высокий порог и попытаться показать наличие субъективного права: очевидно, что наличие права подразумевает наличие правового интереса. В практике Суда можно встретить как ссылку на «интерес правового характера» в виде права, так и на собственно «интерес», который правом не является.

Обратим внимание также на то, что утверждение, содержащееся в упомянутых решениях 2011 года, несколько иными словами повторяет тезис Суда, сформулированный ещё в 1990 году³³, с единственным изменением по существу — в него добавлены слова «не как сторона». *A contrario* можно предпо-

²⁸ International Court of Justice. *Land, Island and Maritime Frontier Dispute (El Salvador/Honduras)*. Application by Nicaragua for Permission to Intervene. Judgment of 13 September 1990 // I.C.J. Reports 1990. P. 124. § 76.

²⁹ International Court of Justice. *Land, Island and Maritime Frontier Dispute (El Salvador/Honduras)*. Application by Nicaragua for Permission to Intervene. Judgment of 13 September 1990 // I.C.J. Reports 1990. P. 117. § 61. В литературе на это указывалось ещё до решения 1990 года (см.: *Chinkin C.M.* Third-Party Intervention before the International Court of Justice // *American Journal of International Law*. Vol. 80 (1986). No. 3. P. 506).

³⁰ См.: *Torres Bernárdez S.* Op. cit. P. 289; *Kolb R.* Op. cit. P. 706.

³¹ См.: *Rosenne Sh.* Intervention in the International Court of Justice. P. 196—197; *Kolb R.* Op. cit. P. 709, 711.

³² International Court of Justice. *Territorial and Maritime Dispute (Nicaragua v. Colombia)*. Application by Costa Rica for Permission to Intervene. Judgment of 4 May 2011 // I.C.J. Reports 2011. P. 358. § 26; Cour internationale de Justice. *Différend territorial et maritime (Nicaragua c. Colombie)*. Requête du Honduras à fin d'intervention. Arrêt du 4 mai 2011 // C.I.J. Recueil 2011. P. 434. § 37.

³³ «Для получения разрешения на вступление в дело государство не обязано показать, что у него есть права, которые необходимо защитить, достаточно того, что у него есть интерес, который может быть затронут решением по делу» (International Court of Justice. *Land, Island and Maritime Frontier Dispute (El Salvador/Honduras)*. Application by Nicaragua for Permission to Intervene. Judgment of 13 September 1990 // I.C.J. Reports 1990. P. 129. § 87).

ложить, что, по мнению Суда, если государство вступает в дело *как сторона*, то оно должно доказывать наличие не просто интереса, но существующих у него прав. С этой точки зрения нововведение 2011 года уязвимо для критики. Его можно было бы оправдать, только если признать, что вступление в дело возможно исключительно в качестве третьего государства, не являющегося стороной в процессе³⁴. В этом случае добавленные слова лишь подтверждали бы правовые реалии. Суд же, по крайней мере до настоящего времени, полностью не исключает вступления в дело в качестве стороны. При таком понимании Суд через свою практику фактически меняет условия вступления в дело, установленные непосредственно Статутом (в статье 62 упоминается только «интерес», но не «права»), что, как представляется, выходит за пределы его полномочий.

В-шестых, интерес не предполагает такую же степень юридической защиты, какую имеет установленное право, и к нему не предъявляются такие же требования с точки зрения его доказывания, как к доказательству имеющегося права³⁵.

В-седьмых, существует вопрос, всегда ли интерес относится к предмету основного спора либо же правовой интерес государства может быть затронут аргументацией Суда (включая толкование международно-правовых документов, обосновывающих позиции сторон, но не являющихся сами по себе предметом спора), которую он приведёт в мотивировочной части решения. На основании текстуального анализа французского и английского вариантов статьи 62 Статута Суд пришёл к выводу, что интерес необязательно должен относиться к предмету основного спора для того, чтобы вступление в дело было разрешено. Интерес может быть затронут не только постановляющей, но и мотивиро-

вочной частью решения³⁶. В обстоятельствах конкретного дела для ответа на вопрос, насколько интерес, который не относится к предмету спора, достаточен для целей статьи 62, Суду необходимо исследовать «могут ли правовые претензии, обозначенные государством, намеревающимся вступить в дело, быть затронуты» мотивами решения³⁷. При этом обращающееся с просьбой государство должно чётко продемонстрировать, какой именно интерес и каким именно образом может быть затронут изложением мотивов, включая аргументацию Суда и толкование международно-правовых актов³⁸.

Тем не менее наиболее вероятно, что решение скажется на имеющемся у третьего государства интересе правового характера, если он непосредственно связан с предметом спора между сторонами в деле, в которое данное третье государство намеревается вступить. «В этом случае предполагаемые права или интересы третьего государства могут быть затронуты непосредственно оперативной частью решения»³⁹. В 2001 году в решении по делу *Пулау Лигитан и Пулау Сипадан* Суд отметил, что в большинстве обращений с просьбами о вступлении в дело ходатайствующее государство претендовало на интерес в отношении непосредственно предмета основного спора, включая территорию, подлежащую делимитации. Кроме того, в двух делах, в которых к тому времени ходатайство о вступлении в дело было удовлетворено, интерес был связан именно с предметом спора (так, в деле *Сальвадор/Гондурас* права Никарагуа в заливе Фонсека были затронуты в силу статуса вод залива как кондоминиума трёх государств; а в деле *Камерун против Нигерии* разграничение морских пространств между Камеруном и Нигерией в Гвинейском заливе могло затронуть права Экваториальной Гвинеи, как одного из

³⁴ Это позиция, которую автор считает наиболее адекватной (см. раздел 3.3 первой части настоящей статьи).

³⁵ International Court of Justice. *Territorial and Maritime Dispute (Nicaragua v. Colombia)*. Application by Costa Rica for Permission to Intervene. Judgment of 4 May 2011 // I.C.J. Reports 2011. P.359. § 26; Cour internationale de Justice. *Différend territorial et maritime (Nicaragua c. Colombie)*. Requête du Honduras à fin d'intervention. Arrêt du 4 mai 2011 // C.I.J. Recueil 2011. P.434. § 37.

³⁶ International Court of Justice. *Sovereignty over Pulau Ligitan and Pulau Sipadan (Indonesia/Malaysia)*. Application by the Philippines for Permission to Intervene. Judgment of 23 October 2001 // I.C.J. Reports 2001. P.596. § 47. См. также: *Palchetti P.* Opening the International Court of Justice to Third States: Intervention and Beyond // Max Plank Yearbook of United Nations Law. Vol. 6 (2002). P. 154.

³⁷ International Court of Justice. *Sovereignty over Pulau Ligitan and Pulau Sipadan (Indonesia/Malaysia)*. Application by the Philippines for Permission to Intervene. Judgment of 23 October 2001 // I.C.J. Reports 2001. P.597–598. § 55.

³⁸ Ibid. P.603. § 81.

³⁹ *Palchetti P.* Op. cit. P.144–145.

прибрежных государств)⁴⁰. Ситуация немногим изменилась за прошедшие годы. Дело *Пулау Лигитан и Пулау Сипадан* остаётся единственным, в которое третье государство намеревалось вступить, ссылаясь на интерес, который оно могло иметь в отношении не предмета основного спора (территория спорных островов), а толкования правовых документов, использованных сторонами, но при этом, вероятно, имевших отношение к претензиям третьего государства применительно к иной территории. В трех последующих случаях обращений с заявлениями о разрешении вступить в дело интерес относился к предмету основного спора (Коста-Рика и Гондурас ссылались на права, которые могли быть затронуты делимитацией морских пространств между Никарагуа и Колумбией, а Греция — на то, что её интерес мог быть затронут решением Международного Суда по одному из требований Германии, которое относилось к признанию исполнимыми в Италии решений греческих судов).

3.4.4. Оценка подхода Суда

Суд достаточно осторожно подходит к признанию интереса правового характера, оправдывающего вступление в дело по статье 62 Статута. Он склонен согласиться с наличием такого интереса, когда интерес материален, то есть существует вероятность, что либо решение прямо скажется на объёме или сфере применения прав третьего государства, либо Суд при вынесении решения не может не иметь дела с юридическими проявлениями, имеющими отношение к этому государству. К первой категории относится правовой интерес Никарагуа, признанный Судом в деле *Спор о сухопутной, островной и морской границе (Сальвадор/Гондурас)*, ко второй — правовой интерес Греции в деле *Юрисдикционные иммунитеты*.

Ещё одной особенностью правового интереса для целей статьи 62 является то, что в делах о морском разграничении Суд, как пра-

вило, не находит оснований для признания такового у намеревающегося вступить в дело государства. В принципе, правой интерес третьего государства в спорах о морской границе может состоять в том, чтобы показать, что будущая граница в той или иной мере может повлиять на его морской территориальный и правовой статус. Однако, как справедливо писал М.Эванс, «проблема для государства, стремящегося вступить в спор о морской границе, состоит не в том, что у него нет правового интереса, который может быть затронут, а в том, что у него нет правового интереса, который может быть затронут в деле, рассматриваемом Судом»⁴¹ (курсив добавлен). Даже в деле *Спор о сухопутной, островной и морской границе (Сальвадор/Гондурас)*, признав наличие правового интереса Никарагуа в отношении статуса вод залива Фонсека, Суд не увидел интереса, который может быть затронут, применительно к делимитации морских пространств как в самом заливе, так и за его пределами⁴².

Объяснение подобному подходу Суда кроется, по-видимому, в том, что в делах, связанных с делимитацией морских пространств, как только Суд видит, что проводимая им граница вторгается в сферу интересов третьих государств, не являющихся сторонами в споре, он использует «магическую формулу», которая может текстуально отличаться в разных решениях, но смысл её примерно одинаков: морская граница проводится лишь до тех пор, пока она не достигает района, в котором «могут быть затронуты права третьих государств». Таким образом, Суд эффективно устраняет риск того, что существующий у третьих государств правовой интерес может быть затронут его решением. Как было подчеркнуто Судом в решении 2007 года, «при разграничении в судебном порядке точный конечный пункт обычно не указывается, чтобы не нанести ущерба правам третьих государств»⁴³. Спустя несколько лет в решении по делу, в которое хотели вступить Коста-Ри-

⁴⁰ International Court of Justice. *Sovereignty over Pulau Ligitan and Pulau Sipadan (Indonesia/Malaysia)*. Application by the Philippines for Permission to Intervene. Judgment of 23 October 2001 // I.C.J. Reports 2001. P. 596. § 49.

⁴¹ *Evans M.D.* Intervention, the International Court of Justice and the Law of the Sea // *Revue hellénique de droit international*. Vol. 48 (1995). P. 92.

⁴² International Court of Justice. *Land, Island and Maritime Frontier Dispute (El Salvador/Honduras)*. Application by Nicaragua for Permission to Intervene. Judgment of 13 September 1990 // I.C.J. Reports 1990. P. 124—128. § 77—84.

⁴³ International Court of Justice. *Territorial and maritime Dispute between Nicaragua and Honduras in the Caribbean Sea (Nicaragua v. Honduras)*. Judgment of 8 October 2007 // I.C.J. Reports 2007. P. 756. § 312.

ка и Гондурас, Суд опять отметил, что он «всегда заботился о том, чтобы не проводить линию границы, проникающую в районы, в которых права третьих государств могут быть затронуты»⁴⁴. При таком подходе Суда к проведению морских границ между спорящими сторонами интерес третьих государств для целей применения статьи 62 Статута, не может быть затронут его решением.

Существует только одно исключение из этого общего правила: как было упомянуто выше, в 1999 году Суд разрешил Экваториальной Гвинее вступить в дело по спору между Камеруном и Нигерией в части, касающейся морской границы. Этому исключению, как представляется, есть рациональное объяснение, связанное с особенностями процедуры. В начальной стадии судебного процесса Нигерия выдвинула предварительные возражения против юрисдикции Суда и приемлемости заявления Камеруна о возбуждении дела. В одном из них Нигерия утверждала, что морское разграничение, требуемое Камеруном, затронет права и интересы третьих государств, и поэтому заявление Камеруна является неприемлемым. В решении о предварительных возражениях Суд согласился с тем, что географическое положение прибрежных государств в Гвинейском заливе приводит к тому, что, по всей вероятности, морская граница между Камеруном и Нигерией захватит зоны, в которых их права и интересы столкнутся с правами и интересами Экваториальной Гвинеи и Сан-Томе и Принсипи. Однако для того, чтобы определить, действительно ли это случится и в какой мере, Суду необходимо рассмотреть само направление границы, то есть существо требования о морском разграничении. В этих условиях Суд признал, что данное возражение не носит исключительно предварительного характера. Одновременно он подчеркнул, что открытым остаётся вопрос о том, воспользуются ли упомянутые третьи государства предоставленной Статутом возможностью вступления

в дело⁴⁵. Экваториальная Гвинея действительно обратилась в Суд с соответствующим заявлением. Камерун и Нигерия не возражали против вступления Экваториальной Гвинеи в дело, поэтому Суд, для которого взгляды сторон имеют существенное значение, пришёл к выводу о том, что «*ввиду позиций сторон* [и выводов в отношении соблюдения требований статьи 62] ничто не препятствует» (курсив добавлен) тому, чтобы удовлетворить просьбу о вступлении в дело⁴⁶.

Впоследствии в решении по существу, подчеркнув, что он не вправе проводить разграничение в той мере, в какой оно могло бы затрагивать права Экваториальной Гвинеи и Сан-Томе и Принсипи (это государство, кстати, с просьбой о вступлении в дело не обращалось, но его права, как и права Экваториальной Гвинеи, также получили должную защиту), Суд определил линию морской границы между Камеруном и Нигерией, специально отметив, что в заключительном секторе он указывает только её общее направление с тем, чтобы избежать вторжения в зону интересов третьих государств⁴⁷.

3.5. Основание юрисдикции

Вопрос о юрисдикции Международного Суда применительно к вступлению на основании статьи 62 Статута третьего государства в рассматриваемое Судом дело имеет два аспекта, а именно: 1) юрисдикция в отношении принятия к производству самого заявления о разрешении вступить в дело и 2) юрисдикционная связь между вступающим в дело государством и сторонами основного спора.

Первый аспект носит своего рода предварительный характер и не вызывает разногласий ни в теории, ни на практике. Юрисдикция Суда, под которой понимается его способность рассмотреть спор и вынести по нему обязательное решение, существует постольку, поскольку государства согласились передать на разбирательство Суда имеющий-

⁴⁴ International Court of Justice. *Territorial and Maritime Dispute (Nicaragua v. Colombia)*. Judgment of 19 November 2012 // I.C.J. Reports 2012. P. 707. § 228.

⁴⁵ Cour internationale de Justice. *Frontière terrestre et maritime entre le Cameroun et le Nigéria (Cameroun c. Nigéria)*. Exceptions préliminaires. Arrêt du 11 juin 1998 // C.I.J. Recueil 1998. P. 322–325. § 112–117.

⁴⁶ International Court of Justice. *Land and Maritime Boundary between Cameroon and Nigeria (Cameroon v. Nigeria)*. Application by Equatorial Guinea for Permission to Intervene. Order of 21 October 1999 // I.C.J. Reports 1999. P. 1035. § 16.

⁴⁷ Cour internationale de Justice. *Frontière terrestre et maritime entre le Cameroun et le Nigéria (Cameroun c. Nigéria)*. Arrêt du 10 octobre 2002 // C.I.J. Recueil 2002. P. 421. § 238; P. 443. § 292; P. 448. § 307.

ся между ними спор. Такое согласие выражается в форме одностороннего заявления по статье 36 Статута, специального соглашения на передачу спора в Суд или юрисдикционной оговорки международного договора. Применительно к вступлению в дело по статье 62 юрисдикция Суда рассмотреть соответствующую просьбу и принять по ней решение основана непосредственно на его Статуте, что вытекает из пункта 2 данной статьи, который прямо указывает, что именно Суд принимает решение в отношении просьбы третьего государства о вступлении в дело. Таким образом, становясь участниками Статута и соглашаясь с его положениями, государства заранее подчиняют себя юрисдикции Суда в рамках, обозначенных статьёй 62, то есть признают право Суда рассмотреть заявление о разрешении вступить в дело и вынести по нему решение.

Подобная конструкция не меняет общего согласительного характера юрисдикции Суда, являющегося краеугольным камнем его существования и функционирования и предполагающего специальное согласие государств, выраженное в указанных выше формах, на рассмотрение конкретного спора Судом⁴⁸. Юрисдикция, существующая непосредственно в силу статьи 62 Статута, не равна юрисдикции рассмотреть спор на основании односторонних деклараций или юрисдикционных оговорок международных договоров и не даёт Суду права принять к производству требования третьего государства, если таковые имеются, к сторонам первоначального спора⁴⁹. Она имеет чисто процессуальный характер, не касается существа каких-либо требований (что кардинально отличает её от «основной» юрисдикции) и ограничена исключительно проверкой условий вступления в дело и вынесением на этом основании решения об удовлетворении соответствующей просьбы или отказе в ней.

Принципиально важным является второй аспект, а именно: является ли юрисдикционная связь между третьим государством и сторонами спора «существенным условием для того, чтобы удовлетворить просьбу о вступлении в дело по статье 62 Статута»⁵⁰. Ни прямого, ни подразумеваемого ответа на этот вопрос сама статья 62 не даёт. При разработке Регламента Постоянной палаты международного правосудия в 1922 году были высказаны различные мнения, но окончательный вывод заключался в том, что не следует в Регламенте пытаться толковать Статут и давать ответ на вопрос о юрисдикции при вступлении в дело по статье 62 Статута, оставив его для выяснения в ходе судебной практики и в свете обстоятельств каждого конкретного дела⁵¹. Этой линии следовали Постоянная палата и затем длительное время сам Международный Суд.

Регламенты Постоянной палаты, а также Регламенты Международного Суда 1946 и 1972 годов не содержали никаких положений относительно юрисдикции при вступлении третьего государства в дело. При пересмотре же Регламента в 1978 году в пункт, излагающий требования к содержанию заявления о разрешении вступить в дело, было включено положение об указании «любо[го] основания[я] юрисдикции, которое, по мнению государства, ходатайствующего о вступлении в дело, могло бы существовать между ним и сторонами в деле» (п. 2(с) ст. 81 Регламента). Это, однако, ещё не означало, что основание юрисдикции является *обязательным* для признания просьбы о вступлении допустимой. Спустя три года после принятия Регламента 1978 года Суд разъяснил, что условие об основании юрисдикции было добавлено для того, чтобы, «когда вопрос возникнет в конкретном деле, в распоряжении Суда были все элементы, которые могут быть необходимы для вынесения решения»⁵². Как подчёр-

⁴⁸ См.: International Court of Justice. *Land, Island and Maritime Frontier Dispute (El Salvador/Honduras)*. Application by Nicaragua for Permission to Intervene. Judgment of 13 September 1990 // I.C.J. Reports 1990. P. 133–134. § 96–97.

⁴⁹ См.: Ibid.

⁵⁰ International Court of Justice. *Land, Island and Maritime Frontier Dispute (El Salvador/Honduras)*. Application by Nicaragua for Permission to Intervene. Judgment of 13 September 1990 // I.C.J. Reports 1990. P. 132. § 94.

⁵¹ См.: P.C.I.J. Series D. No. 2. P. 96; *von Staußenberg B. S.* Statut et règlement de la Cour permanente de Justice internationale: éléments d'interprétation. Berlin: Carl Heymanns Verlag, 1934. P. 437–438; International Court of Justice. *Continental Shelf (Tunisia/Libyan Arab Jamahiriya)*. Application by Malta for Permission to Intervene. Judgment of 14 April 1981 // I.C.J. Reports 1981. P. 14. § 23.

⁵² International Court of Justice. *Continental Shelf (Tunisia/Libyan Arab Jamahiriya)*. Application by Malta for Permission to Intervene. Judgment of 14 April 1981 // I.C.J. Reports 1981. P. 16. § 27.

кивается в доктрине, положение Регламента об указании в заявлении основания юрисдикции не является дополнительным самостоятельным требованием, оно необходимо только с точки зрения представления Суду наиболее полной информации при обосновании вступления в дело⁵³.

Вопрос о юрисдикционной связи был разрешён в 1990 году, когда Суд признал, что только в силу вступления в дело государство не становится в нём стороной. Соответственно, в ситуации вступления в дело не в качестве стороны Суд не принимает к рассмотрению какие-либо требования третьего государства, а решение по делу это государство никоим образом не связывает. Поскольку при таких условиях третье государство не подчиняет себя юрисдикции Суда в отношениях со сторонами первоначального спора, постольку существование соответствующей юрисдикционной связи не является необходимым условием для того, чтобы просьба о вступлении в дело была удовлетворена⁵⁴. Это вытекает и из грамматического толкования пункта 2(с) статьи 81. Суд, в частности, обратил внимание на то, что использование выражения «любое основание» (во французском тексте — «*toute base*»; в английском — «*any basis*»; *курсив* добавлен) юрисдикции подчёркивает, что юрисдикционная связь не яв-

ляется условием *sine qua non* для вступления третьего государства в дело⁵⁵. Устоявшаяся к настоящему времени позиция Суда, таким образом, состоит в том, что наличие основания юрисдикции, связывающего третье государство и стороны в споре, не является условием для вступления этого государства в дело в качестве третьего лица, не являющегося стороной⁵⁶.

В части первой настоящей статьи было показано, что разрешённым целям и функциям вступления в дело по статье 62 отвечает исключительно вступление третьего государства в дело как участника процесса, не являющегося стороной в этом деле и не заявляющего собственных требований. Суд, однако, не исключил полностью возможности для третьего государства вступить в дело в качестве стороны⁵⁷. Если, как предполагает Суд, по статье 62 государству всё же может быть разрешено вступить в дело как стороне⁵⁸, то, по его мнению, в этом случае необходимо основание юрисдикции между заинтересованными государствами⁵⁹.

Доктрина в целом также согласна с тем, что для вступления в дело в качестве стороны необходима юрисдикционная связь между вступающим в дело государством и сторонами спора⁶⁰. Иногда, правда, можно встретить утверждения, что вступление в дело в каче-

⁵³ *Rosenne Sh.* The Law and Practice of the International Court, 1922–2005. Fourth Edition. Vol. III. Leiden/Boston: Martinus Nijhoff, 2005. P. 1482.

⁵⁴ См.: International Court of Justice. *Land, Island and Maritime Frontier Dispute (El Salvador/Honduras)*. Application by Nicaragua for Permission to Intervene. Judgment of 13 September 1990 // I.C.J. Reports 1990. P. 135. § 100.

⁵⁵ *Ibid.*; см. также: *Rosenne Sh.* The Law and Practice of the International Court, 1922–2005. P. 1482.

⁵⁶ Cour internationale de Justice. *Différend territorial et maritime (Nicaragua c. Colombie)*. Requête du Honduras à fin d'intervention. Arrêt du 4 mai 2011 // C.I.J. Recueil 2011. P. 432. § 28.

⁵⁷ См.: *Пунжин С.М.* Процессуальное право Международного Суда ООН: вступление в дело (часть 1) // Международное правосудие. 2014. № 4(12). С. 106–110.

⁵⁸ Cour internationale de Justice. *Différend territorial et maritime (Nicaragua c. Colombie)*. Requête du Honduras à fin d'intervention. Arrêt du 4 mai 2011 // C.I.J. Recueil 2011. P. 432. § 27.

⁵⁹ International Court of Justice. *Land, Island and Maritime Frontier Dispute (El Salvador/Honduras)*. Application by Nicaragua for Permission to Intervene. Judgment of 13 September 1990 // I.C.J. Reports 1990. P. 134–135. § 99; International Court of Justice. *Sovereignty over Pulau Ligitan and Pulau Sipadan (Indonesia/Malaysia)*. Application by the Philippines for Permission to Intervene. Judgment of 23 October 2001 // I.C.J. Reports 2001. P. 589. § 35; International Court of Justice. *Territorial and Maritime Dispute (Nicaragua v. Colombia)*. Application by Costa Rica for permission to Intervene. Judgment of 4 May 2011 // I.C.J. Reports 2011. P. 361. § 39; Cour internationale de Justice. *Différend territorial et maritime (Nicaragua c. Colombie)*. Requête du Honduras à fin d'intervention. Arrêt du 4 mai 2011 // C.I.J. Recueil 2011. P. 432. § 28.

⁶⁰ См., например: *Chinkin C.M.* Third-Party Intervention before the International Court of Justice. P. 524–525; *Ruda J.M.* Intervention before the International Court of Justice // Fifty Years of the International Court of Justice. Essays in honour of Sir Robert Jennings. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 501; *Kolb R.* Op. cit. P. 717. При этом ставится целый ряд вопросов, например: должна ли юрисдикционная связь быть установлена с одной стороной основного спора (против которой выдвигается требование) или с обеими; должно ли основание юрисдикции, связывающее третье государство со сторонами, быть таким же, как и в основном споре (то есть если юрисдикция в первоначальном споре основана на факультативных заявлениях о признании обязательной юрисдикции Международного Суда, то должно ли желающее вступить в дело государство также опираться на своё аналогичное заявление, а если на юрисдикционной оговорке многосторонней конвенции, то должно ли желающее вступить в дело государство быть участником этой же конвенции).

В отношении дел, возбуждённых на основании специального соглашения, превалирует мнение, что применительно к ним очень трудно представить существование юрисдикционной связи между вступающим в дело государством и сторонами спора, заключив-

стве стороны также возможно без наличия юрисдикционной связи. Автор этой теории (признавая, что Суд требует наличия такой связи в случае вступления в дело как стороны) объясняет, что, во-первых, статья 62 Статута основания юрисдикции между вступающим в дело государством и его сторонами не требует, это искусственное дополнительное условие, установленное Судом в практике, а во-вторых, даже при вступлении в качестве стороны третье государство не приобретает права, равные со сторонами основного спора, и не становится равной им стороной⁶¹. Несмотря на ясный первоначальный тезис, похоже, что, исходя из аргументов в его обоснование, речь здесь скорее идёт о вступлении в дело не в качестве стороны, раз уж государство не становится *равной* стороной в процессе.

В заключение отметим, что юрисдикционная связь была бы необходима, если бы вступление в дело по статье 62 Статута понималось как представление третьим государством

своих требований в рамках уже идущей процедуры, то есть добавление нового дела к существующему⁶². Действительно, если государство при вступлении в дело стремилось бы представить свои требования по отношению к его сторонам, то оно могло бы это сделать, только если бы стороны были на это согласны, то есть между намеревающимися вступить в дело государством и сторонами этого дела существовала бы юрисдикционная связь в той или иной форме. Однако, как было отмечено выше, статья 62 Статута такую форму вступления в дело не предусматривает, поэтому логично было бы сделать вывод, что вступление в дело по статье 62, с учётом целей и функций такого вступления, не предполагает существования юрисдикционной связи в качестве необходимого условия при всех обстоятельствах. Тем не менее, принимая во внимание осторожную позицию Суда по данному вопросу, в настоящее время делать подобный вывод было бы преждевременно.

шими специальное соглашение (см., например: *Chinkin C.M.* Third-Party Intervention before the International Court of Justice. P.524–525; *Rosenne Sh.* Intervention in the International Court of Justice. P.110).

⁶¹ *Erne J.* Link of Jurisdiction in Article 62 Proceedings before the ICJ. Köln: Lambert Academic Publishing, 2009. P.56, 62, 65, 72–73.

⁶² *Torres Bernárdez S.* Op. cit. P.297.